

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

Русская литература

№ 1

И С Т О Р И К О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

1971

Год издания четырнадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД

МОЖНО ЛИ ВКЛЮЧАТЬ «ИСТОРИЮ РОССИЙСКУЮ» ТАТИЩЕВА В ИСТОРИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ?

Заметка А. Г. Кузьмина «Был ли В. Н. Татищев историком?», написанная по поводу рецензии Я. С. Лурье и Е. М. Добрупкина на только что законченное семи-томное издание «Истории Российской» В. Н. Татищева, не может быть оставлена без ответа со стороны историка литературы.

А. Г. Кузьмин категорически отрицает какое бы то ни было литературное значение за «Историей Российской» В. Н. Татищева. В любом предположении о литературном творчестве автора «Истории» А. Г. Кузьмин видит навет, лишающий Татищева звания историка. «Самый факт публикации рецензии в литературоведческом журнале» (стр. 58) кажется ему подозрительным и странным. Отвечая на замечание авторов рецензии, что при отнесении некоторых текстов Татищева к творчеству самого историка «можно было бы говорить, например, о стилизаторских приемах Татищева», А. Г. Кузьмин пишет: «Следовательно, В. Н. Татищев — „стилизатор“, своего рода предшественник Бардина и Сулакадзева...» (речь идет об известных фальсификаторах и мистификаторах начала XIX века). Но разве стилизация — это обязательно жульничество и обман? Сколько, например, стилизаций можно отметить у Пушкина. Говоря о том, что Татищев не различал понятия «историк» и «писатель», авторы рецензии отмечали, что «в этом отношении он не был оригинален, разделяя общеприпятое в XVIII веке представление об истории и литературе как двух равноправных сферах словесных наук». Возражая им, А. Г. Кузьмин пишет: «Эти науки и сейчас равноправны». Но здесь недоразумение: А. Г. Кузьмин смешивает литературу и литературоведение. Сейчас литература рассматривается как искусство, а литературоведение и история — как наука. Во времена же Татищева история и литература не различались в полной мере. Процесс дифференциации только продолжался, но далеко не закончился.

Исследовательница литературы первой половины XVIII века М. В. Николаева, несколько преувеличивая значение своего периода, пишет: «В течение первой половины XVIII века окончательно определился процесс обособления истории и литературы; превращения их в самостоятельные отрасли знания и творчества, развивающиеся по своим законам. Но и теперь (в первой половине XVIII века, — Д. Л.) не были оборваны все нити, связывавшие историческое и литературное творчество. Между ними, несомненно, существовали многие точки соприкосновения. Об этом свидетельствует уже тот факт, что некоторые из историков того времени были одновременно и литераторами (С. Медведев, Ф. Прокопович, П. Крекшин); они сознательно стремились вести историческое повествование „украшенным“ литературным слогом».¹

И несколько дальше та же исследовательница замечает: «Несомненно, исторические произведения в большинстве своем читались не только с узко-познавательными или научными целями; они удовлетворяли и собственно литературные интересы и потребности».²

Решать вопрос о том, имелись ли в «Истории Российской» элементы литературного творчества, можно только на фоне всей исторической литературы начала XVIII века. Можно упомянуть такие сочинения, как: А. И. Манкеев, А. Я. Хилков. Ядро российской истории. М., 1770 (изд. 2-е, М., 1784); П. П. Шафиров. Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый... к началу войны против короля Карла XII, Шведского 1700 году имел... СПб., 1717; Феофан Прокопович. История императора Петра Великого... М., 1773; Б. И. Куракин. История о царе Петре Алексеевиче. 1682—1694. В кн.: Архив

¹ М. В. Николаева. К вопросу о формировании стиля русской повествовательной литературы первой половины XVIII века. В кн.: Из истории русской литературы. («Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 245), Л., 1963, стр. 151.

² Там же, стр. 152.

ки. Ф. А. Куракина, издаваемый под ред. М. И. Семевского, кн. 1. СПб., 1890; История Шведской войны. (Издана под названием «Журнал, или Подешная записка... Петра Великого»). СПб., 1770—1772, и др.

Но и этого сопоставительного фона мало. Не мешало бы взглянуть в исторические сочинения зарубежных историков того же периода, хотя бы славянских. Интересные сведения к этому отношению содержит доклад А. Н. Робинсона на V съезде славистов в Софии — «Историография славянского возрождения и Пансий Хиландарский» (Советский комитет славистов, М., 1963).

А. Г. Кузьмин ставит вопрос так: если Татищев не сообщает современному историку каких-то новых сведений по русской истории, то его «История» бесполезна: «С точки зрения литератора в „Истории Российской“ больше взять нечего: чтение ее не доставляло эстетического наслаждения даже современникам автора» (стр. 58). Во-первых, нужно еще доказать, что «История» Татищева «не доставляла эстетического наслаждения», а во-вторых, и это самое главное, разве значение литературного произведения может быть сведено только к доставляемому им «эстетическому наслаждению»? «История» Татищева, конечно, не была «искусством для искусства». Татищев был крупнейшим историческим мыслителем и писателем. Он проводил определенные исторические идеи, связанные с его взглядами на современную ему действительность. Он стремился к общественному воспитанию своего читателя. Как литературное произведение «История Российская» — памятник грандиозный, не менее значительный для своего времени, чем «История Государства Российского» Карамзина для своего. Сводить значение «Истории Российской» только к вопросу о достоверности «татищевских известий» (т. е. тех известий, которые имеются только у Татищева и отсутствуют в дошедших до нас других источниках) — это по меньшей мере не понимать ее значения в истории русской литературы и русской культуры XVIII века. А. Г. Кузьмин не прав и несправедлив к Татищеву.

Он заявляет: «Явно не представит интереса В. Н. Татищев, вопреки настояниям авторов заметки, ... для историков литературы» (стр. 60). Но это «суждение» не более, чем недоразумение. В. Н. Татищев давно включается в историю русской литературы. О Татищеве, например, писал в учебнике «Русская литература XVIII века» Г. А. Гуковский.³ Большой раздел имеется о нем и в десяти томной «Истории русской литературы», изданной Институтом русской литературы.⁴ Можно было бы упомянуть довольно много историков литературы, писавших о Татищеве, и убедиться в неоправданности «суждений» А. Г. Кузьмина.

По мнению А. Г. Кузьмина, те, кто признают, что Татищев вносил в свою «Историю» «элемент сочинительства», типичный для того времени, считают его фальсификатором. Но необходимо конкретно разобрать, какого рода вымысел, какого рода литературное творчество допускалось Татищевым. Ведь Татищев, как и впоследствии многие историки XIX века, не просто переносил исторические источники, он реконструировал ход событий, объяснял их, давал характеристики историческим лицам и вставлял в их уста речи, которые они могли бы, по его мнению, произнести. Здесь без элементов литературного вымысла не обойтись. Весь вопрос в том — где кончался этот вымысел. В. Н. Татищев без всякого сомнения не только реконструировал ход истории, но стремился к некоторой украшенности рассказа, к ярким описаниям, распространял чрезмерно краткие речи своих источников, вводил казидательность и прагматические объяснения в свое повествование. В этом смысле он был историком своего времени. За это нельзя его осуждать. Именно от антиисторического осуждения Татищева хотят предостеречь авторы рецензии, когда предлагают не переносить вопроса о вымыслах Татищева в этическую плоскость. Но это не значит, конечно, что все «татищевские известия» они предлагают считать плодом его литературной фантазии и оправдывать его в этом.

Исторический подход к историкам XVIII века предопределяет многие недоразумения в статье А. Г. Кузьмина. Дилемму, предложенную его предшественниками, — «историк-писатель» (т. е. историк и писатель — в понимании XVIII века) или издатель и интерпретатор источников? — он подменяет другой дилеммой: историк или писатель? Если Татищев — писатель, то, по мнению А. Г. Кузьмина, он уже не историк. Такая постановка вопроса вытекает из того, что А. Г. Кузьмин считает принципы современной нам историографии существовавшими всегда и неизменными. Наставая на том, что «добросовестность» Татищева «не может конечно приравниваться к „честности“ торгового человека или предпринимателя» (указание едва ли необходимое, так как никто, кажется, не предлагал такого отождествления), А. Г. Кузьмин не учитывает иного, куда более важного различия: между историками XIX—XX веков и историками предшествующего времени. В наше время историк строго разделяет собственное мнение, которое он высказывает прямо и от своего имени, и показания источников; приводя эти показания, он дает (начиная уже с Карамзина) точные ссылки; реконструкции не смешиваются с фактами.

³ Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. Учпедгиз, М., 1939, стр. 23—24.

⁴ История русской литературы, т. III. Литература XVIII века. Часть первая. Изд. АН СССР, М.—Л., 1944, стр. 91—96.

Но так было не всегда. Даже осторожнейший историк древности Фукидид (осуждавший своего предшественника Геродота за сказочные истории) признавался, что речи государственных деятелей, помещенные в его книге, он сочинил сам, но таким образом, как, по его мнению, «каждый оратор, сообразуясь всегда с обстоятельствами данного момента, скорее всего мог говорить о настоящем положении дел» (Фукидид, I, 22). Следует ли отказать на этом основании Фукидиду в звании историка? Историческая методика Татищева еще не изучена; мы не знаем, как он отделял свое авторское мнение от показаний источников; но определялось такое авторское мнение вовсе не какими-либо неизменными или фальсификаторскими целями.

«Если, например, В. Н. Татищев переменял характеристику Святополка Изяславича или Юрия Долгорукого, то это объясняется, очевидно, только влиянием источников, ибо ни в каких деловых отношениях с этими князьями он состоять не мог», — поясняет А. Г. Кузьмин (стр. 60). Но разве характеристика исторических деятелей у других историков может объясняться только их «деловыми отношениями» с соответствующими политическими деятелями? Разве Карамзин, осуждавший Ивана IV, и Соловьев, оправдывавший его, состояли в деловых отношениях с Грозным? Историки нового времени меняют иногда даваемые ими характеристики деятелей прошлого. Так, М. Н. Покровский, видевший сперва в Дмитрие Самозванце «дворянского царя», затем признал его вождем «крестьянской революции». Свидетельствует ли это о его «деловых отношениях» с Самозванцем? Вопрос об историко-графических воззрениях Татищева и о путях выражения этих воззрений заслуживает рассмотрения, и отводить этот вопрос ссылкой на его беспристрастие и «добросовестность» не следует.

Спор А. Г. Кузьмина с авторами рецензии, на мой взгляд, не состоялся: приписав своим противникам представление о субъективной «недобросовестности» Татищева, А. Г. Кузьмин спорит со своими собственными аргументами, вытекающими из такого представления. Так, иронизируя по поводу того, что С. Л. Пештич определял летописные источники «Истории» «на основании показаний самого В. Н. Татищева», автор замечает: «Если мы ему не верим, то, очевидно, следует искать другие способы определения его источников» (стр. 59). Но никто (по крайней мере, никто из современных авторов) не изображает Татищева сознательным обманщиком вроде Бардина или Сулакадзева, и ирония А. Г. Кузьмина поэтому обращена не по адресу. Не более прав А. Г. Кузьмин и в конкретных спорах по частным вопросам — с А. А. Шахматовым, С. Л. Пештичем и (в более скромной степени) с Е. М. Добрушкиным и Я. С. Лурье. Решительнее всего отвергает автор предположение о различном отношении к источникам в первой (опубликованной теперь) и второй редакции труда Татищева. Такое мнение кажется ему лишеным логики: «Не мог же один и тот же автор в течение двух десятилетий целенаправленно передавать источники, а затем... вдруг броситься их „сознательно переделывать“ и „вымысливать“» (стр. 58). Следовало бы прежде всего указать, кому именно принадлежит это, отвергаемое А. Г. Кузьминым, мнение. Предположение о том, что «изобретения» Татищева появились только во второй редакции его труда и что «ничего изобретенного самим Татищевым не найдется в первой его редакции», было высказано А. А. Шахматовым, и уже само имя этого исследователя могло бы побудить А. Г. Кузьмина к более серьезному отношению к этому мнению. Верно предположение А. А. Шахматова или нет, оно вовсе не абсурдно: между первой редакцией «Истории», представлявшей собой, по словам Татищева, «собрание из древних русских летописцев», и второй редакцией обнаруживаются глубокие различия и в языке (перевод на «настоящее наречие») и в составе; большинство «татищевских известий» содержится только во второй редакции. Прежде чем отвергнуть предположение А. А. Шахматова, его следовало бы поэтому разобрать и проверить.

Не более снисходителен А. Г. Кузьмин и к советскому исследователю, посвятившему «Истории Российской» несколько десятков лет труда, — С. Л. Пештичу. Признавая, что С. Л. Пештич, относивший появление первых «татищевских известий» уже к первой редакции, был «по своему логичен» (в отличие от Шахматова), А. Г. Кузьмин заявляет однако, что «его заход оказался неудачным: он стал сопоставлять текст „Истории“ с летописью, которой у В. Н. Татищева никогда не было (С. Л. Пештич пользовался изданием Повести временных лет по Лаврентьевской летописи), и не догадался посмотреть другие» (стр. 58—59). Сославшись в доказательство этих слов на свою книгу «Рязанское летописание»,⁵ А. Г. Кузьмин упрекает авторов рецензии в том, что они «об этой неудаче С. Л. Пештича не упоминают». Обращение к соответствующим страницам труда С. Л. Пештича и проверка слов А. Г. Кузьмина привела нас к неожиданным результатам. Прежде всего, С. Л. Пештич привлёк для сопоставления с первой редакцией «Истории» не одну, а по крайней мере шесть летописей (именно ему принадлежит заслуга определения почти всех летописных источников Татищева).⁶ На названных А. Г. Кузьминым страницах

⁵ А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 35—41.

⁶ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. I. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 251—256.

С. Л. Пештич приводит восемь случаев отступления Татищева от летописных источников в первой редакции «Истории».⁷ Возражая Пештичу в книге «Рязанское летописание», А. Г. Кузьмин почему-то разбирает только три примера С. Л. Пештича (и лишь в одном случае выдвигает серьезные возражения против предположения о веле летописном происхождении известия); что касается остальных примеров, он не только умалчивает о них, но делает вид, что их не существует («три примера С. Л. Пештич старается показать, что В. Н. Татищев вообще переделывает летописный текст»). А между тем среди этих обойденных А. Г. Кузьминым примеров «татищевских известий» первой редакции есть весьма выразительные. Так, вместо известных летописных слов Владимира в беседе с мусульманскими посланцами — «Руси есть веселие пити», киевский князь говорит у Татищева: «...русском есть в веселие и здравие от пития, с разумом шемаго»;⁸ вместо краткого призыва Святослава «Хощу на вы ийти» читается такой ультиматум: «Хощете ли умириться, слите ко мне, или хощу на вы ити» (IV, 126). Следует ли настаивать на том, что перед нами цитаты из недошедших летописей, или можно предположить, что это — дидактическая обработка текстов, произведенная историком-моралистом, считавшим, что так *должны были* говорить киевские князья? Так или иначе, перед нами серьезные наблюдения, а не «неудача» С. Л. Пештича.

Так же неубедительно и единственное конкретное возражение А. Г. Кузьмина Е. М. Добрушкину и Я. С. Лурье. А. Г. Кузьмин пишет: «Приведя в качестве примера некритичного использования „История Российской“ известие об утверждении Рязанской епархии в 1198 году, авторы почему-то не заметили, что это сообщение есть не только во второй, но и в первой редакции „Истории“» (стр. 62); автор даже обвиняет за это Е. М. Добрушкина и Я. С. Лурье в «передержках». Но достаточно раскрыть упомянутую рецензию, чтобы увидеть, что в ней шла речь не об учреждении Рязанской епархии в 1198 году, а о том, что в первой редакции «ничего не говорится о вмешательстве рязанского князя Ярослава в церковные дела в 1198 году» (стр. 221); обратившись же к Татищеву, мы можем убедиться, что это действительно так: в первой редакции в этом случае о князе Ярославе не сказано ни слова (ср.: IV, 326 и III, 166).

Стремясь дискредитировать изучение В. Н. Татищева как писателя, А. Г. Кузьмин объединяет рецензию Я. С. Лурье и Е. М. Добрушкина с работами А. А. Зимина по «Слову о полку Игореве» и А. Л. Монгайта о Тмутараканском камне. Между тем последние работы не имеют никакого отношения к вопросу о Татищеве.⁹ «Реконструировать» их общую позицию и обвинять гуртом всех этих авторов в «нескептицизме» некорректно. К науке такого рода обвинения не имеют отношения. Также противоречат обычным представлениям о корректности научного спора упреки, которые делает А. Г. Кузьмин авторам рецензии за их мнения и работы, не имеющие никакого отношения к разбираемой теме. А. Г. Кузьмин привлекает, например, статью Я. С. Лурье «Изучение русского летописания» и статью Е. М. Добрушкина «Летописные рассказы о походе русских князей на половцев в 1185 г.», хотя ни в той, ни в другой статье Татищев даже не упоминается.

Нельзя механически объявлять «нескептицизмом» всякое сомнение в исторической достоверности у Татищева того или иного известия или группы известий (потому что на большее никто и не идет) и видеть в этом ущерб для русской культуры. Приведу конкретный пример. Л. И. Сазонова в статье, появившейся почти одновременно с рецензией Я. С. Лурье и Е. М. Добрушкина,¹⁰ хорошо показала, что все новые сравнительно с известными летописными рассказами детали в повествовании Татищева о походе Игоря Святославича 1185 года не основаны на каких-либо реальных источниках. Л. И. Сазонова пишет: «...рассказ Татищева не может быть использован при изучении обстоятельств похода Игоря на половцев в качестве дополнительного к летописям исторического источника».¹¹ Но именно этот факт еще и еще раз отчетливо доказывает подлинность «Слова». Л. И. Сазонова с полным основанием заявляет следующее: «Влияние татищевских рассказов (о походе Игоря, — Д. Л.) видно не только у всех историков и исторических сочинителей XVIII в., но и у ученых XIX в., а также у некоторых авторов современных исследований, связанных с объяснением исторической основы „Слова о полку Игореве“, и даже у либретиста оперы „Князь Игорь“ (например, встреча Игоря

⁷ Там же, стр. 237 и сл.

⁸ В. Н. Татищев. История Российская, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1964, стр. 133 (далее ссылки на это издание — в тексте).

⁹ Замечу, между прочим, что А. А. Зимин, насколько нам известно, никогда Татищевым не занимался, а А. Л. Монгайт в своей книге «Рязанская земля» (М., 1961) высказывал такие же взгляды, что и сам А. Г. Кузьмин (авторы рецензии даже возражали им обоим — А. Л. Монгайту и А. Г. Кузьмину — совместно — см. стр. 224 их рецензии).

¹⁰ Л. И. Сазонова. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XXV, 1970, стр. 29—46.

¹¹ Там же, стр. 45.

с княгиней). Исключение составляет лишь один автор — создатель „Слова о полку Игореве“. Ни одно из добавлений или изменений текста летописи Татищевым (а их много в рассказе о походе Игоря, — Д. Л.) не имеет аналогий в „Слове“. Это показывает, что „Слово“ не могло быть создано после Татищева. Невозможно представить себе сочинителя XVIII в., который не учел бы татищевских оживлений и оплошностей в рассказе об Игоре.¹² Спрашивается: что, эти слова тоже принадлежат «неоскептику»?

А. Г. Кузьмин прав, утверждая, что неизвестные источники труда Татищева еще могут обнаружиться. Но ведь это же утверждают и авторы рецензии. Они только приводят примеры возможных разочарований источниковедов, но не считают свои примеры окончательно доказанными.

В своей рецензии они намечают пять путей текстологического исследования труда Татищева — путей, которые помогут восстановить его творческую историю. Указание на эти пути будущих исследований, открываемых полным изданием «Истории Российской», и является центральным в их заметке. Она написана не для того, чтобы развенчать Татищева, а чтобы показать появившиеся перед исследователями Татищева возможности. Между тем А. Г. Кузьмин не обратил на них внимания. Он предлагает свой путь, который, по существу, является более бедным и упрощенным вариантом того, что пишут рецензенты.

В самом деле, приемлемым в статье А. Г. Кузьмина кажется нам его совет авторам заняться выделением из текста «Истории» «татищевских известий» — это, по его словам, «стимулировало бы плодотворное обсуждение вопроса и не давало бы возможности переносить его в плоскость бесполезных исканий и бесплодных споров» (стр. 63). Единственное, что можно здесь возразить А. Г. Кузьмину, это то, что намеченная им задача вовсе не может рассматриваться как легкое и простое дело, которое Е. М. Добрушкин и Я. С. Лурье могли бы выполнить *вместо* написания рецензии на «Историю Российскую».

«Татищевскими известиями» именуется, как мы помним, те известия «Истории», которых нет в других источниках. Выделить эти известия — значит проделать колоссальную работу по сравнению текста Татищева со всем фондом летописей (и не только летописей).

В своей статье А. Г. Кузьмин упоминает об интересных открытиях В. И. Корецкого и Н. Н. Покровского, нашедших летописные источники известий Татищева за XVI—XVII века. Чем больше будет таких находок, тем лучше, — но ведь каждая из них заставляет снова и снова пересматривать фонд «татищевских известий».

Нельзя, впрочем, согласиться с авторами рецензии в той части первого их предложения по будущему исследованию Татищева, где они, отступая от определения задач исследования, оценивают состояние сделанного. Они пишут, что круг источников «Истории» «в настоящее время установлен со значительной полнотой» благодаря работам С. Л. Пештича. Принять этот оптимистический взгляд авторов рецензии трудно.

Итак, заключая наш ответ А. Г. Кузьмину, мы можем сказать: исследователям Татищева предстоит много работы, и эта работа не должна вестись под нажимом необоснованных обвинений.

¹² Там же.

